

А. В. Ганин

Институт славяноведения РАН (Москва)

Белое офицерство на востоке России: состав, особенности прохождения службы и поведения в чрезвычайных условиях Гражданской войны

В период Гражданской войны в России вопрос управления вооруженными силами стал особенно актуальным. Вторым по численности офицеров антибольшевистским фронтом после Южного являлся Восточный. Однако специалисты едины в оценке того, что офицерские кадры Восточного антибольшевистского фронта значительно уступали белому Югу как количественно, так и качественно. В статье дан анализ состава командных кадров, показаны особенности прохождения ими службы и поведения белых офицеров востока России.

Ключевые слова: Гражданская война, Офицерский корпус, Белое движение, Белая Сибирь.

Восточный антибольшевистский фронт являлся вторым по численности офицеров, участвовавших в Белом движении после Южного. Специалисты едины в оценке того, что офицерские кадры Восточного антибольшевистского фронта значительно уступали белому Югу как количественно, так и качественно: из примерно 30 тыс. офицеров белых армий востока России кадровые офицеры составляли около 1,8 тыс. человек, или не более шести процентов¹.

Офицеры стояли во главе практически всех значимых антибольшевистских движений начального периода Гражданской войны на востоке. Они сыграли решающую роль в приходе к власти в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. адмирала А. В. Колчака.

Источники комплектования белых армий востока России офицерским составом различны. Одним и наиболее значимым из них являлись офицеры-добровольцы. Прежде всего, это были участники антибольшевистских подпольных организаций, действовавших с конца 1917 г. до середины 1918 г. В работе подполья по всей Сибири

¹ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 47, 118, 221.

участвовали сотни офицеров. Подпольные организации зафиксированы не менее чем в 38 пунктах от Урала до Забайкалья. Общая численность подпольщиков оценивается примерно в шесть тысяч человек². Именно на базе подпольных организаций летом 1918 г. формировалась Сибирская армия.

Как правило, добровольно выступали против большевиков офицеры казачьих войск. По большей части это были высокомотивированные командиры. Показательно соотношение казачьих офицеров в противоборствующих лагерях. Так, из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Мировой войне, 564 человека сражались в антибольшевистских формированиях, тогда как за красными пошли только 14 человек³.

Другой существенный источник комплектования представляли офицеры-перебежчики из Красной армии. Летом 1918 г. на востоке страны многие офицеры, ранее оказавшиеся в Красной армии, перешли на сторону антибольшевистских сил. Среди них такие, позднее получившие известность деятели Белого движения, как А. И. Андогский, Б. П. Богословский, В. О. Каппель, А. Ф. Матковский, Ф. Е. Махин, П. П. Петров. Наибольшей массовостью отличался переход на сторону антибольшевистских сил слушателей и преподавателей Военной академии в Екатеринбурге и Казани. Тогда в различные антибольшевистские формирования перешли преподаватели и служащие академии, а также не менее 170 офицеров — слушателей старшего класса (80,6 % слушателей) — и 80 слушателей младшего ускоренного курса (69,6 % слушателей)⁴. У красных за некоторым исключением остались лишь те, кто болел, находился под арестом, в командировках и отпусках. Однако неприятие белыми офицерами любых форм примиренчества и тем более сотрудничества с большевиками удаляло по тем, кто переходил к белым из Красной армии.

По этим причинам длительное время подвергались травле перешедшие от красных Военная академия и ее представители. Согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 189 от 8 марта 1919 г., пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

² Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 128, 233.

³ Картагузов С. В. Офицерский корпус Уральского казачьего войска в годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. С. 44.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. 768 с.

Основным источником комплектования антибольшевистских армий востока России стали мобилизации. В Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) летом 1918 г. оказались мобилизованы до 6000 офицеров (сюда же входили и добровольцы). Мобилизации подлежали офицеры до 35 лет⁵. В Сибирскую армию к 1 октября 1918 г. призвали 10754 офицера⁶. В Сибири офицерская мобилизация охватывала лиц до 43 лет (этот же предельный возраст был позднее подтвержден приказом Колчака №75 от 18 декабря 1918 г.). В Сибири не хватало штаб-офицеров, существовал недостаток командиров полков и батальонов, не хватало генштабистов, военных инженеров, военных юристов, интендантов⁷.

Развертывание единых антибольшевистских вооруженных сил привело к тому, что офицеров оказалось недостаточно уже не только на штаб-офицерских должностях, но и на должностях младших офицеров, причем этот дефицит белые так и не преодолели даже в 1919 г. Некомплект командных кадров в июле 1919 г. достигал порядка 10,0 тыс. человек, включая примерно 8,5 тыс. обер-офицеров, то есть командиров младшего и среднего звена⁸. Бывало, что на офицерских должностях из-за нехватки офицерского состава находились унтер-офицеры⁹.

Наглядным показателем качества командного состава являются сравнительные данные о численности выпускников Николаевской военной академии в белых армиях юга и востока России. Если через белые армии юга России прошли 1082 выпускника академии, то через белые армии востока России — только 641. Причем среди этих офицеров лишь 229 обучались в академии до Мировой войны по полной, а не по сокращенной программе. На юге же старую академию окончили не менее 828 офицеров¹⁰.

На март — апрель 1919 г. в ударных колчаковских армиях, Западной и Сибирской, числились всего 5949 офицеров¹¹. В Сибирской

⁵ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 г.) / сост.: К. Г. Ляшенко (отв. сост.) и др. М., 2011. С. 260.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 87 об.

⁸ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала... С. 59.

⁹ См., например: *Волегов И. К.* Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 37.

¹⁰ Ганин А. В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. №1–2. С. 54.

¹¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11–12; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

армии на 1 марта 1919 г. значились 83 кадровых офицера и 3193 офицера военного времени¹², на 15 марта — 70 кадровых офицеров при 3009 офицерах военного времени¹³. К 15 апреля 1919 г. во всей Западной армии насчитывалось 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени¹⁴.

Часть офицеров самоотверженно сражались на фронте, некоторые проявили чудеса храбрости, были удостоены георгиевских наград. Но случаи героизма не меняли общей картины низкого профессионального уровня командных кадров. Среди них преобладали офицеры военного времени. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры — ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. Младшими офицерами повсеместно являлись офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение вещей приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского состава, падению авторитета офицера и, как следствие, к выходу из подчинения командирам.

Если на юге в связи с переизбытком офицеров и нехваткой рядового состава создавались целые офицерские части, в которых офицеры служили в качестве рядовых, то на востоке после развертывания единых вооруженных сил такой подход стал невозможен в силу нехватки кадров, а полномасштабного обмена кадрами между белыми фронтами не было.

В связи с кадровым голодом была организована ускоренная подготовка офицеров в военных училищах, школах прапорщиков, инструкторских школах и на военно-училищных курсах. Военно-учебные заведения создавались прежде всего в крупных центрах: Уральске, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Томске, Чите, Хабаровске, Владивостоке. Использовались и военно-учебные заведения, сохранившиеся с дореволюционных времен. Считается, что белые смогли подготовить на востоке России порядка 6000 офицеров. Осуществлялось производство в офицеры и унтер-офицерского состава. Кроме того, велась переподготовка, а также повышение квалификации. Так, в начале 1919 г. в Томске возобновила учебную работу Военная академия. В мае 1919 г. академия по сокращенной программе выпустила 152 офицера младшего класса курсов 4-й очереди, которые были распределены в основном по штабам.

¹² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 57.

¹⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11–12.

Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на востоке России имели генеральские чины. Большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках¹⁵. На высшие командные посты (командующих армиями, корпусами, дивизиями) белые, за рядом исключений, подтверждавших правило, старались не назначать высококвалифицированных генералов старой армии.

Генералами нередко становились совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. Например, Р. Гайда, А. Я. Крузе и Н. П. Сахаров получили первый генеральский чин в 26 лет, А. Н. Пепеляев — в 27, А. В. Круглевский и А. И. Тирбах — в 28, Г. М. Семенов — в 29, И. П. Калмыков — в 30 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на востоке России получили, как минимум, 384 офицера¹⁶. Всего же в антибольшевистских силах востока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53,0 % белых генералов и адмиралов востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну.

Такая кадровая политика вела к появлению «выскочек» и «вундеркиндов», вызывала недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы. Генералы дореволюционного производства на должностях начальников дивизий и командиров корпусов были единичны и в основном себя в условиях Гражданской войны не проявили. «Генеральская» молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться¹⁷.

¹⁵ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 269.

¹⁶ Подсчитано с уточнением по: Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биографический справочник. М., 2011. 670 с.

¹⁷ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 50.

Как до возникновения централизованного командования антибольшевистскими силами востока России, так и в период распада белых армий Восточного фронта практиковались производства в генеральские чины различными местными властями. В период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г. М. Семенова с Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком первый осуществлял собственные массовые производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 человек, произведенных Семеновым в генералы в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, являясь лично преданными ему и проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны¹⁸. Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки.

Децентрализованные производства в высокие чины, общность принадлежности к тому или иному казачьему войску или учреждению, объединение вокруг какого-либо военного вождя — все это вело к формированию офицерских и генеральских группировок и землячеств. Группировки офицеров разобщали командный состав, боролись друг с другом и нередко играли политическую роль, а их представители отстаивали и лоббировали коллективные интересы. Борьба различных группировок командного состава стала неотъемлемой частью истории Белого движения на востоке России. Между различными штабами были развиты дух соперничества и антагонизм, что особенно ярко проявилось в вопросах взаимодействия колчаковских армий в период весеннего наступления 1919 года¹⁹.

Одним из факторов, предопределивших поражение белых, являлась атаманщина. В силу обширности территории, контролируемой белыми на востоке страны, местные начальники приобрели своеобразный статус «удельных князей», проводивших свою собственную политику и считавшихся с приказами центра лишь постольку, поскольку они сами этого хотели. Одиозную известность приобрели в этом отношении такие деятели, как Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг, Г. М. Семенов, Б. В. Анненков, дискредитировавшие белых и самим своим существованием подрывавшие авторитет Российского правительства А. В. Колчака.

По-настоящему талантливых и опытных военачальников и штабистов у белых на Восточном фронте было крайне мало. Наиболее яркие имена можно пересчитать по пальцам: генералы В. Г. Бол-

¹⁸ Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 186.

¹⁹ Сахаров К. В. Белая Сибирь: [Внутренняя война 1918–1920 гг.]. Мюнхен, 1923. С. 91; Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 235.

дырев, В. О. Каппель, С. Н. Войцеховский, М. К. Дитерихс, С. А. Щепихин, А. Н. Пепеляев, И. Г. Акулинин, В. М. Молчанов. Но даже эти скромные кадровые ресурсы использовались белым командованием нерационально. Генерал Дитерихс от решения военных вопросов долгое время был фактически отстранен и всю первую половину 1919 г. по поручению А. В. Колчака занимался расследованием убийства царской семьи. В. О. Каппель с января до начала мая 1919 г. также не участвовал в боевых операциях, занимаясь формированием своего корпуса в тылу.

Командующие всех трех основных армий Колчака были подобраны крайне неудачно. Во главе Сибирской армии находился 28-летний плохо управляемый авантюрист Р. Гайда, с кругозором австрийского фельдшера, более других генералов способствовавший своими действиями срыву весеннего наступления. В июле 1919 г. из-за конфликта со Ставкой Гайда был отстранен от должности и уволен из армии, а позднее даже лишен генеральского чина. Западную армию возглавлял генерал М. В. Ханжин — опытный офицер, но артиллерист по специальности. Командующий Отдельной Оренбургской армией атаман А. И. Дутов был скорее политиком, чем военачальником, поэтому значительную часть времени в первой половине 1919 г. его замещал начальник штаба генерал-майор А. Н. Вагин.

Сам А. В. Колчак плохо разбирался в сухопутной стратегии и тактике, вследствие чего в своих решениях был вынужден полагаться на штаб во главе с Д. А. Лебедевым. Ни Лебедев, ни Колчак, в отличие от противостоявших им советских военных специалистов, не имели опыта управления крупными силами. Существует даже точка зрения, что Колчак намеренно выдвигал Лебедева, поскольку на его фоне не так заметно было непонимание самим адмиралом основ сухопутной войны²⁰.

Далеко не все офицеры в условиях Гражданской войны отличались дисциплинированностью. 1917 г. разложил не только солдат, но и офицерство. В офицерской среде стали проявляться неисполнение приказов, непочтительность, широко распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство и даже мародерство.

Практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией, не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали дисциплинарных проступков. Так, Гайда 26 мая 1919 г. направил в Омск фактически ультиматум с требованием отправить в отставку начальни-

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 106; *Иностранцев М. А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М., 2017. С. 815.

ка штаба Верховного главнокомандующего Д. А. Лебедева, которого считал виновником неудач на фронте. Начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии Западной армии генерал-майор В. В. Ванюков в июне 1919 г. отказался выполнить приказ о передислокации дивизии, так как обещал солдатам отдых, за что был отстранен от командования и попал под следствие²¹. Старшие начальники подавали дурной пример остальным.

Дезорганизация военного управления и впечатляющие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Наиболее ярко разочарование можно проследить по высказываниям представителей командного состава. Состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л. Н. Доможиров, выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными²². «Я чувствую, что у меня подрывается вера в успех нашего святого дела»²³, — отметил в начале мая 1919 г. генерал-майор Р. К. Бангерский. Генерал-майор А. П. Перхуров летом 1919 г., разочаровавшись в колчаковском командовании, сформировал собственный партизанский отряд и перешел к самостоятельным действиям²⁴.

В войсках распространилось пьянство, в которое втягивались даже генералы и старшие офицеры. Временно исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал С. Н. Розанов²⁵ и Главнокомандующий Восточным фронтом генерал К. В. Сахаров злоупотребляли алкоголем. Пьяные выходки представителей командного состава порой приводили к скандальным последствиям. О масштабах явления можно судить по тому, что разжалованиям в рядовые за пьянство только с июля по сентябрь 1919 г. подверглись не менее сотни офицеров²⁶. 3 августа 1919 г. Главнокомандующий Восточным фронтом издал суровый приказ расстреливать по приговорам военно-полевых судов тех офицеров, которые изобличались в пьянстве вместе с солдатами или принуждали их добывать алкоголь нелегальным путем. Кроме того, предписывалось разжаловать офицеров за пьянство в общественных местах,

²¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь... С. 103.

²² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.

²³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.

²⁴ Гоплер К. Я. Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 1920. С. 161.

²⁵ Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / [подготовка текста, вступительная статья Вероники Жобер]. М., 2016. С. 341, 342, 397.

²⁶ Симонов Д. Г. Адаптация офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований востока России к условиям Гражданской войны (середина 1918 — начало 1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2014. С. 100.

а в случае доходящего до безобразия пьянства дома или в офицерском собрании — после первого предупреждения²⁷.

Среди колчаковских офицеров было немало непримиримых, которые не только боролись с красными до конца, но отличились или даже погибли в этой борьбе либо ушли в эмиграцию, но не сдались. Однако в целом лояльность офицерства белым режимам на востоке России в сравнении с белым югом была существенно ниже.

На рубеже 1919–1920 гг. большое количество колчаковских офицеров, оказавшись перед перспективой полного лишения отступления по зимней тайге, сдались красным. Массовая добровольная сдача представителей командного состава белых произошла под Красноярском в начале января 1920 г., что свидетельствовало о деморализации командного состава колчаковских войск²⁸. Часть сдавшихся становилась в ряды Красной армии. Только в советских войсках, действовавших в районе Иркутска в январе 1920 г., насчитывалось 635 бывших белых офицеров²⁹. В августе 1920 г. сам атаман Г. М. Семенов зондировал почву на предмет перехода на сторону красных³⁰.

К апрелю 1922 г. численность офицерства в антибольшевистских формированиях на Дальнем Востоке сократилась до 3567 человек³¹. Таким образом, до конца Гражданской войны в рядах белых на востоке России оставалось лишь незначительное меньшинство офицеров. Остальные погибли, сдались в плен или эмигрировали.

²⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

²⁸ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 66.

²⁹ *Войнов В. М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 61.

³⁰ *Шишкин В. И.* Неудавшийся политический зигзаг атамана Г. М. Семенова. Август 1920 г. // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 200.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 18.